

Э

того пса все так и называли — Пес. Его собачья инвалидность, с одной стороны, вызывала жалость, с другой — отталкивала.

Глаз и ухо он потерял из-за заряда дроби, выпущенного пьяным охотником шутки ради — дабы отогнать любопытного пса от добычи. Половину правой передней лапы он потерял уже из-за своей односторонней слепоты: убегал от разозлившихся мужиков на пилораме и неудачно прыгнул через циркулярку. Теперь он ежедневно побирался у сельмага или у облюбованного подъезда.

Его либо жалели, либо гнали. Жалели его в основном дети, принося что-нибудь съестное из дома, но они же могли быть и жестокими. Однажды пацанята связали ему две задние лапы и долго потешались над тем, как Пес пытается убежать, выпутаться, но только переваливается с боку на бок, не простояв и секунды, падает, обиженно подвывает и беспомощно скулит.

Если б в округе нашелся хоть кто-нибудь, читавший Гюго, то пса непременно назвали бы Квазимодо. Но местные жители большей частью читали только телевизионные программы и объявления на заборах. Вынужденная малоподвижность сделала пса созерцателем и даже философом. Глядя в его единственный печальный глаз, можно было легко увериться, что он не

только понимает человеческую речь, но и знает что-то такое, чего никто не узнает вся ученая человечья братия: от лириков до физиков-ядерщиков. Сновавшему же мимо народу некогда было вглядываться в зеленую глубину собачьего глаза; хорошо хоть находились сердобольные старушки и детишки, которые приносили калеке поесть и изредка, явно невозмогая отвращение к его уродству, несмело ласкали его. Частенько рядом с ним присаживался на корточки местный забулдыга Иван Васильевич и, забыв о песьей инвалидности, требовал, чтобы Пес одарил его собачьим рукопожатием.

— Дай лапу, друг человека! — покачиваясь, требовал он, и непохоже было, чтобы он при этом издевался над трехногим инвалидом. — Сидишь тут, умничаешь, кто ж тебя, горемыку, оставил мучиться на этом свете? Вот ты — друг человека, где же твой человек, мать его наперекосяк!

Посидев так несколько минут, выкурив сигаретку, он, пошатываясь, уходил, оставляя Псу самому решать вопрос: кто из них больше мучается.

По ночам Пес устремлял одноглазый взгляд к звездам — разумеется, если небо не было затянуто низкими серыми тучами — или неуклюже хромал в свое логово на теплотрассе, потому что знал: в эту ночь он будет выть и скулить во сне, а значит, в лучшем случае, в него кинут чем-нибудь или огреют палкой, чтобы не мешал спать праведным труженикам. Так он жил, подпирая здоровой лапой двери подъездов, уже, наверное, лет пять, и никто и никогда не узнал бы его умных собачьих мыслей, если б... Если б в один из бесконечных и одинаковых дней, которые отделились только разницей температур и влажностью, отчего обрубок лапы болел либо больше, либо меньше, — если б в один из таких вынужденно и грустно проживаемых дней к нему не подошел странный малыш. На вид ему было лет пять, но взгляд его был много умнее, чем у некоторых взрослых. Вместо левой руки из-под клетчатой безрукавки торчала ужасающая своим малиновым окончанием культя. Чуть ниже локтя...

Здоровой рукой мальчик смело погладил Пса, сел с ним рядом и обнял его за шею.

— Знаешь, — сказал малыш, — раньше бы мама мне не разрешила взять тебя, а теперь, я знаю точно, разрешит. Я как из больницы выписался, она мне больше разрешать стала. Я видел, как тебя обижают, я буду тебя защищать...

Пес робко лизнул мальчика в щеку и осторожно устроил свою одну хую голову на его хрупкие колени. Мальчик гладил его и рассказывал ему, как добрый доктор научил его, что надо уметь радоваться жизни и никогда не сдаваться. Малыш обещал научить этому своего нового друга. Пес тяжело и протяжно вздыхал, как это умеют делать только умные собаки.

Потом они, разговаривая, неспешно шли домой к мальчику. Навстречу им попался вечно хмельной Иван Васильевич. Увидев однорукого мальчика с трехногой собакой, он остановился, долго силился что-то сказать и, когда они уже прошли мимо, спросил у пустоты:

— Вот он, значит, какой — человек друга?

Ивану Васильевичу показалось, будто он сейчас увидел и узнал что-то поразительно важное и нужное для всего нашего подлунного мира.

Наверное, потому, что Пес и малыш подружились со звездами и сегодня ночью опять будут вместе смотреть на них. Между прочим, они уже знают о них чуточку больше, чем все мы — остальные.